

АЛ. АЛТАЕВ

АПОСТОЛ

ИСТИНЫ

Туппум (Глиняная табличка)

Ал. Алтаев

АПОСТОЛ ИСТИНЫ

«ИД Мещерякова»

1908

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1

Алтаев А.

Апостол истины / А. Алтаев — «ИД Мещерякова»,
1908 — (Туппум (Глиняная табличка))

ISBN 978-5-00108-168-5

Галилео Галилей (1564–1642) – один из величайших учёных в истории, был и астрономом, и физиком, и математиком, изучал медицину и многое другое. «Апостол истины», борясь за правду, прожил почти всю жизнь в нужде, исследуя окружающий нас мир и его законы. За идею об устройстве мира Галилей подвергся гонениям со стороны Римско-католической церкви, всего общества и попал под суд святой инквизиции. Псевдонимом Ал. Алтаев подписывалась Маргарита Владимировна Ямщикова. В исторической повести о Галилео Галилее писательница описала жизнь Галилео с юных лет и до самой смерти. Повесть публикуется с иллюстрациями Алексея Шевченко.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-00108-168-5

© Алтаев А., 1908
© ИД Мещерякова, 1908

Содержание

Предисловие	6
I	7
II	13
III	18
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Ал. Алтаев

АПОСТОЛ ИСТИНЫ

Серия «Туппум»

© Ал. Алтаев, текст, 2018

© А. А. Шевченко, иллюстрации, 2018

© ЗАО «Издательский Дом Мещерякова», 2018

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
МЕЩЕРЯКОВА

Предисловие

«Зрелище жизни великого человека есть всегда прекрасное зрелище: оно возвышает душу, мирит с жизнью и возбуждает деятельность».

Так говорит незабвенный наш критик Белинский, рекомендуя молодому поколению чтение биографических рассказов.

Особенно важное педагогическое значение имеют жизнеописания великих героев науки – борцов за истину, апостолов правды, сильных волей, которые, преодолевая бесчисленные препятствия и смело противопоставляя научные истины неверным, ложным взглядам, бодро шли к намеченной себе цели и добивались правды.

Одним из таких борцов был Галилей, которому посвящена настоящая книга.

Жизнь этого великого учёного, полная невзгод, лишений и страданий, но в то же время полная непоколебимой веры в торжество научной правды, представляет богатый материал для книги, предназначенной для юношества.

Передавая историю жизни этого великого «апостола правды», рассказывая о том, как развивался этот гениальный ум, как он работал и боролся, автор старался очертить и ту историческую эпоху, в которой жил Галилей, указать связь, которую имели его труды с трудами других учёных, его предшественников и современников. Вместе с тем автор внёс в свою книгу, в популярном изложении, целый ряд научных сведений, необходимых для понимания тех научных истин, торжество которых было заветной целью Галилея.

Труд свой автор назвал «исторической повестью». Но, в сущности, это не историческая повесть в обыкновенном смысле слова, где история служит лишь фоном, где правда перемешана с фантазией: тут каждый эпизод, каждое событие, каждая черта основана на фактических данных и только самому рассказу дана живая повествовательная форма.

I Неугомонный мальчик

В летний вечер 1573 года у ворот невзрачного дома на одной из улиц Флоренции¹ стоял старик в порывшемся старомодном плаще и широкополой шляпе. Он сердито, изо всей силы колотил в запертые ворота привешенным на цепи молотком.

За воротами послышался топот бегущих ног, и старая служанка наконец распахнула их перед сердитым синьором.

Старик молча прошёл в переднюю, а оттуда в бедно обставленную комнату, где вокруг накрытого стола собралась вся семья музыканта Винченцо Галилея. При входе старика маленький черноволосый мальчуган захлопал от радости в ладоши и весело крикнул:

– А вот и дедушка Козьма! Теперь можно и ужинать!

Сидевшие за столом подвинулись, чтобы дать место старику.

– А вот дедушке и местечко, – говорил весёлый черноволосый мальчуган. – Садись, дедушка, около меня.

Но старик не обратил внимания на ребёнка и стал поодаль, не снимая ни шляпы, ни плаща.

Мальчик ничего не замечал и не унимался:

– Я тебе сейчас помогу снять плащ, дедушка!

Старик не двигался.

¹ Флоренция – главный город Тосканы (в Италии). В описываемое время – самостоятельная республика. (Здесь и далее примеч. авт.)

– Сиди смирно, Анджело, – прошептала молодая женщина, жена Винченцо Галилея, – ты видишь, дедушка чем-то недоволен...

Она встала с грудным ребёнком на руках и хотела помочь старику снять плащ. Но синьор Козьма резко спросил:

– А ты знаешь, Джулия, где Галилео?

Красивое лицо молодой женщины побледнело.

– Галилео... – прошептала она смущённо. – О господи, разве ещё что-нибудь случилось?

– Галилео нет, и дочь моя, его мать, не знает, где он слоняется с утра до ночи! Уже поздно, скоро по улицам Флоренции нельзя будет пройти без оружия. Или ты хочешь для своего сына компании ночных гуляк?

В глазах жены музыканта показались слёзы.

– А ты что же молчишь, Винченцо? – спросил старик зятя, голова которого низко склонилась над миской, а лоб нахмурился.

Музыкант поперхнулся похлёбкой, закашлялся, положил сердито ложку на стол и бросил недовольный взгляд на жену. Сегодня он целый день бегал по урокам: досуг ли ему было смотреть за сыном?

Вдруг прозвенел торжествующий голосок Анджело:

– А я знаю, где Галилео, дедушка!

Все обернулись к мальчику.

– Так поди и приведи его сюда, мой Анджело! – обрадовалась синьора Джулия, – да скажи, чтобы шёл сейчас же, а то дедушка... да и все мы очень боимся, что его так долго нет...

– И скажи ещё, что я выпорю его, – спокойно договорил синьор Винченцо.

Но мальчика уже и след простыл. Топот его ног о каменный пол коридора смутно доносился до сидящих за столом.

Только теперь отец Джулии Галилей, старый Козьма Аманати Вентури, соблаговолил снять плащ и принялся за ужин.

Анджело пустился бежать вдоль длинной улицы, потом повернул в переулок и спустился к реке Арно около маленьких ворот, ведущих к мельницам.

Солнце садилось и вот-вот было готово потонуть в серебряной глади реки. Река точно засыпала, точно нежилась под тихой лаской уходящих лучей; только лёгкая рябь порой пробегала по ней волной и чуть-чуть колыхала тростник у берега да ветки повисших над ней деревьев... Тихо качались на ржавых цепях лодки; полуразвалившиеся жалкие рыбацьи хижины тёмными силуэтами виднелись на берегу. Невдалеке гудели мельницы, а около их колёс вздымались целые каскады сердитой седой пены.

Анджело остановился, приставил руку к глазам и громко позвал:

– Га-ли-ле-о!

За ним залилось эхо:

– О-о-о-о!

Звонкий детский голос не тотчас отозвался:

– Ну? Здесь!

Через минуту Анджело уже мчался по откосу. В его голове было столько упреков для брата, слышанных от старших, но, спустившись к самой воде, он все их перезабыл. Это случилось в тот момент, как Анджело увидел рыжие кудри старшего брата Галилео. Босой, по колено в воде, он копался около самодельной запруды в устье ручья около самого Арно и даже не поднял головы при приближении Анджело.

Недолго думая, Анджело последовал примеру Галилео. Его сразу обдало чудесным сырым запахом реки. Среди речного простора, когда волны шепчутся у самых ног, гораздо лучше, чем дома, где нужно сидеть в душной комнате и выслушивать бесконечные выговоры старших...

Галилео устроил запруду и мельницу. Мельница была превосходная: её грубое самодельное колесо довольно быстро вертелось под напором воды, а вода пенилась и шумела. Попавшие в её водоворот щепки отлетали в сторону. Анджело, стоя по колено в воде, хохотал во всё горло. Галилео вечно мастерил какие-нибудь игрушки, похожие на настоящие машины. Анджело приходил от них в восторг и за них обожал брата. Оба мальчика теперь позабыли обо всём на свете и внимательно следили за водоворотом у колеса.

А солнце совсем скрылось... Послышался лязг оружия, и со стороны города на берегу показался патруль. Вдруг Анджело заметил на откосе две знакомые мужские фигуры.

– Дед! Дед и отец, Галилео! – с ужасом прошептал мальчик, трясаясь всем телом, и оглянувшись, как бы ему лучше задать тягу.

Галилео сердито нахмурился и потряс рыжими кудрями.

– Эй, мальчишка! – раздался наконец дрожащий гневный голос деда, – сейчас пошёл домой! Бродяжничать по ночам на реке! Ну, что же ты молчишь, Винченцо? Или ты ему не отец?

Винченцо угрюмо посмотрел на сына.

– Ступай сейчас же домой! – крикнул он вдруг неожиданно во всю силу своей могучей груди и топнул ногой, – а это – вот!

Он поднял камень и с бешенством ударил в мельницу. Она рассыпалась.

Галилео злобно сверкнул глазами и, закусив губу, молча принялся натягивать на мокрые ноги башмаки; Анджело давно уже захватил свою обувь и мчался изо всех сил в гору, к дому.

Галилео с сожалением обернулся на разрушенную работу. Безжалостная вода разметала остатки маленькой модели мельницы в мелкие щепки и теперь неслась, свободная, ликующая, не сдерживаемая игрушечной преградой...

Галилео поник головой и пошёл рядом с отцом и дедом, которые не переставали браниться...

Как неприветлива, неуютна показалась сегодня маленькому изобретателю обстановка родного дома! В особенности мрачна была эта комната с очагом и обеденным столом, служившая и столовой, и гостиной, и кабинетом музыканту! Единственным украшением её были развешанные по стенам флейты и лютни, разукрашенные, согласно обычаю того времени, портретами предков Винченцо Галилея.

Со стола было уже убрано. Джулия укачивала в соседней комнате ребёнка. Анджело стянул в кухне несколько печёных каштанов и уплетал их в постели. Он поделился каштанами с братом. Очевидно, мальчиков наказали сегодня, оставив без ужина.

Галилео вовсе не хотел спать. Каштаны несколько утолили его голод, и гнев немного поулёгся. Что за беда, он завтра сделает другую мельницу! Ему хотелось теперь отчасти задобрить отца, отчасти облегчить свою уколотую обидой душу. Он снял со стены лютню и стал тихо перебирать её струны. Они сладко зазвенели, плача и жалуясь...

– Чудесно, – сказал растроганный Винченцо, – ты будешь у меня музыкантом. Слышишь, Анджело, как играет старший брат?

Но Анджело давно уже смотрел десятый сон...

А мысли Галилео были далеко, они носились по всему Божьему миру, они хватались за все явления сразу. Галилео хотел быть сразу и музыкантом, и художником, и поэтом, и учёным и знать всё, знать, как самый мудрый из мудрых. Глаза его пристально смотрели на крупные звёзды, мигавшие там, наверху, в тёмной прозрачной бездне. Вот скатилась одна, вот другая, вот посыпался целый звёздный дождь... Мальчик, мечтательно улыбаясь, залюбовался звёздами...

А заунывный голос деда однообразно и наставительно причитал:

– Что ж? Ремесло музыканта, слава богу, кормит тебя и всю твою семью, Винченцо. Чего ещё желать мальчишке? Честное ремесло, если только этот сорванец годится на что-нибудь путное!

– Пора спать, – зевая, сказала синьора Джулия, которой ребёнок не давал спать по ночам, и теперь она валилась ото сна.

Старик встал, а за ним поднялся и Винченцо.

Галилео тоже свернулся на своей жёсткой постели. Но заснуть он не мог. Он думал о том, как хорошо сделать настоящую мельницу, маленький жёрнов которой размалывал бы зерно; как хорошо сделать такую маленькую пушку, которая бы стреляла; как хорошо устроить такую бумажную муху, которая бы летала по воздуху; и ещё много о чём мечтал мальчик, лёжа на соломенном тюфяке.

А в окно, мигая, заманчиво глядели светлые звёзды и, кротко улыбаясь, плыла в голубой дымке луна... Наконец он не выдержал, тихо слез с кровати и, как кошка, легко и неслышно ступая, подкрался к окну. Здесь он уселся, свесив ноги и бесстрашно глядя вниз, где виднелась в саду старая скамейка. Луна глядит в окно. Она трепещет и переливается голубым прозрачным загадочным светом, который как будто льётся в душу Галилео. Галилео смотрел на луну, светлевшую меж кружевной паутины облаков, и спрашивал себя, куда плывёт она и куда мчатся эти вечные странники неба? Где конец этой бесконечной небесной синеве? И ему хотелось понять, что такое луна, и золотые звёзды, и великое необъятное небо...

Мальчик глубоко вздохнул. Внизу, из сада, где стояла скамейка, послышался ответный вздох, такой же долгий и глубокий. При свете луны на скамейке сада обрисовался силуэт сидящего человека. Это был странствующий монах-францисканец.

Подняв глаза к окошку, почтенный отец застыл в смертельном страхе, и дрожащая рука его не в силах была даже сотворить крестного знамени.

– Святой Франциск, защити меня! – прошептали его губы, – да ведь это сын тьмы!

Галилео, которого он принял за сына тьмы, едва удержался от смеха. Францисканец уже собирался поднять неистовый крик, но Галилео живо прыгнул на близ стоящий каштан и оттуда соскочил на землю.

– Тсс! – прошептал он, не на шутку испугавшись. – Пречистая Дева порукой в том, что я вовсе не дьявол, а сын музыканта, синьора Винченцо Галилея! И меня вовсе незачем бояться! А вот как вы попали в наш сад, святой отец?

Дрожа от страха и всё ещё не совсем доверяя себе, францисканец изо всех сил протирал глаза.

– Видишь ли... то есть... как бы тебе это сказать... Господи помилуй! Иду я в Болонью, и случилось мне здесь переночевать... Ну, двери-то везде были заперты на ночь, стучать не хотел я... Я – человек маленький, скромный служитель Бога, а в другом доме услышишь такую брань, что упаси боже! А у вас в заборе дырка. Вот я и надумал переночевать у вас в саду. Ночь-то тёплая... Да не спится...

Галилео уселся рядом. С минуту оба молчали. Старик, не мигая, уставился на небо и вдруг запел тихим дрожащим голосом молитву святому Франциску.

– Возлюбил он кротко все твари земные! – умилённо заговорил монах, и подслеповатые красные глазки его замигали, а рот сложился в блаженную улыбку. – Святой Франциск! Птицы, дикие звери были послушны ему и покорно ложились у его ног... Из свирепого волка он сотворил себе брата...

Сладкий голосок монаха так и рассыпался, тёк, как мёд, а руки по привычке перебирали чётки...

Галилео представилось, что старик – очень учёный человек, которому ведомы и земля, и небо.

– Много вы знаете о святом Франциске. И он всё мог, святой Франциск? – спросил он пытливо. – И он мог себе достать даже звёзды?

Монах посмотрел на мальчика и растерянно замигал глазами.

– По Божьей воле всё возможно, сын мой, – сказал он серьёзно, почти строго, – но только Господь не пошлёт на землю светил небесных. Не говори пустяков, мальчик.

Галилео с недоумением посмотрел на старика.

– Вовсе не пустяки, – проговорил он, обиженно надувая губы, и чёрные глаза его блеснули. – А почему бы звёздам и не приходиться на землю к святому Франциску?

– Господь всему дал своё распределение, каждую звезду Бог поручил ангелу, и он двигает её из века в век.

– Каждую звезду Бог поручил ангелу, и он двигает её из века в век?

Это открытие привело в восторг мальчика, и учёный монах сразу вырос в его глазах.

– А когда звёзды падают? – спросил он быстро.

– А это падают те ангелы, которые разгневали Творца, – не задумываясь, отвечал францисканец.

– А что же в земле, отче?

– А в земле – преисподняя. Там ад, там обитают злые духи, духи тьмы.

– Брр! – проговорил Галилео, мотая головой, – а отчего это бывает роса и туман? Смотрите, как он колыхнется над рекой...

Галилео показал рукой в просвет между развесистыми пиниями, где сверкала серебром Арно.

– А это... оттого... – проговорил с тягучим вздохом монах, – что ангелы часто плачут о людских грехах. Чем больше они плачут, тем больше выпадает рос и туманов.

Он зевнул, получше завернулся в свою рясу и улёгся на скамейку.

– Иди себе спать... – пробормотал францисканец и закрыл глаза.

Галилео с сожалением посмотрел на улёгшегося монаха. Его пытливый ум ничуть не был удовлетворён. Монах только его раздражил. Он собирался засыпать учёного францисканца множеством новых вопросов, а тот, как назло, послал его спать. О, если бы Галилео был так учён, он никогда бы не стал отказывать в разговоре бедным мальчикам!

Он с тоской посмотрел на тёмное небо, на спокойную луну, на бесстрастные звёзды, с глубоким вздохом вскарабкался на старый каштан, а оттуда пробрался в комнату, на жёсткий соломенный тюфяк...

II За дело

Анджело! Анджело! – тихонько звал на другой день брата Галилео.

Он просунул нос в дверь кухни, где брат чинно чистил к обеду овощи.

– Отец ушёл, – продолжал Галилео шёпотом, – и дедушка тоже... мама пустит... пойдём на реку, починим мельницу... увидишь, как она будет молоть...

Анджело не поднимал глаз и молча покачал головою.

На глазах Галилео ещё сверкали слёзы: отец сильно побил его сегодня утром. Но он всё-таки продолжал звать брата:

– Пойдём, Анджело... Я придумал тележку, которая...

Галилео пришлось замолчать, потому что в дверях кухни показалась мать. Когда она ушла и мальчик хотел начать вновь свои уговоры, Анджело предупредил его:

– Я больше никогда не пойду с тобой на реку, Галилео. Я не стану с тобой играть. Из-за тебя вечно достаётся. Я вовсе не хочу, чтоб меня так поколотили, как тебя сегодня. Ты открыл окно и ночью лазил в сад, – продолжал наставительно Анджело, энергично дочищая морковь, – а потом ты не запер окно, а в саду кто-то ночевал. Отец говорил: что было бы, если бы влезли в окно воры и обокрали весь дом?

Анджело повторял слова отца. Галилео ничего ему не ответил и всё-таки ушёл на реку. Анджело так с ним и не играл. Правда, среди дня он не выдержал и галопом промчался по берегу около маленьких ворот, ведущих к мельницам, чтобы хоть одним глазком посмотреть на выдумку брата. Но как только Галилео позвал брата, он со всех ног пустился прочь, крича:

– Нет, нет! Ни за что не стану играть с тобой!

Галилео вспылил. Он потряхнул кудрями, показал Анджело кулак и крикнул:

– Трус! Трус! Трус! Ну, попроси меня сделать тебе новую игрушку. Так я тебе тогда и сделаю. И не дам тебе ни кусочка от моего сладкого пирога!

После обеда, в короткий час досуга, синьор Винченцо обыкновенно занимался с Галилео или упражнялся в решении математических задач. Винченцо очень любил математику, но знаком был с этой наукой поверхностно, да и научился ей самоучкой.

В этот день Винченцо выводил на бумаге после обеда какие-то круги и треугольники, вместо того чтобы спросить его урок. У музыканта был вид, как будто его мучила какая-то неотвязная мысль.

– Галилео, – вдруг серьёзно, почти сурово, сказал отец, – мне надо с тобой поговорить. Тебе уже девять лет, тебе уже пора бросить бегать по колено в воде да делать запруды в ручьях. Надо подумать о деле. Правда, мы бедны, но рода мы не простого, и оставаться тебе без всякого образования, как сыну простого рабочего, нельзя. Я сам не могу с тобой заниматься, где мне! Эти проклятые уроки скоро меня совсем доконают... Какая-нибудь капризница платит гроши, да ещё привередничает! Всякой моднице теперь надо уметь играть на лютне, и, пока я их научу сносно играть, они меня вконец изведут и истерзают мне уши! Вот я и не хочу такой же дороги для тебя, мой мальчик, – продолжал синьор Винченцо. – Музыка – дело хорошее, но не отдавай ей всю жизнь. Вот и это, – он показал рукою на бумагу, где начертил математические фигуры, – и это дело хорошее, а посвящать ему жизнь глупо. Пусть занимаются этой наукой богатые люди, которым нечего делать. Эта наука не прокормит. Есть много более прибыльных занятий, вот, например, торговля. А чтобы быть купцом, который возит товар и ведёт дела по всему свету, надо иметь счётку, да ещё кое-что надо знать. Вот и тебе надо поучиться, тогда ты, может, и не будешь голодать, как голодает твой отец...

Синьор Винченцо вздохнул, вспомнив, что сегодня Джулия накормила его пустой похлёбкой, даже без масла.

«Быть купцом, – думал Галилео, – ездить с товарами далеко за море, в чужие страны, увидеть много нового... что ж, пожалуй, это и интересно».

Он не совсем довольным тоном спросил отца:

– Я буду ходить в школу?

Не успел синьор Винченцо ответить, как у ворот послышался обычный стук молотка, и скоро в комнату вошёл человек в чёрном плаще и чёрной шляпе.

– К вашим услугам, благороднейший, почтеннейший синьор, – заговорил он, подобоострастно раскланиваясь. – Имею честь пожелать доброго здоровья и благоденствия знаменитейшему маэстро Винченцо Галилею... Вы посылали за мной? Покорный слуга вашей милости, учитель риторики, логики, латинской грамматики и других наук, уважаемых в просвещённых странах, Якопо Боргини...

После этой витиеватой речи он искоса бросил взгляд на убогую обстановку комнаты.

– Добро пожаловать, почтеннейший педагог! – отвечал Винченцо и подвинул гостю кресло. – Да сохранит вас святой Иоанн, покровитель Флоренции! А вот и ваш будущий ученик, смею надеяться!

Якопо Боргини, не откладывая дела в долгий ящик, тут же принялся экзаменовать Галилео. Мальчик отвечал бойко, но, как только пробовал рассказать что-нибудь своими словами, учитель его поправлял:

– Ай-ай-ай! Неверно! Оно, положим, суть и одна, да слова не те. Если бы мы смели передавать науку своими словами, то, пожалуй, и в церквах бы каждый стал молиться по-своему, а то для всякого случая жизни есть у святой церкви своя молитва, и Священное Писание пересказывать своими словами – великий грех и невежество. Если в Священном Писании говорится: «И быть по сему» – нельзя сказать: «Быть по сему», опустив «и», или же «По сему и быть»; следовательно, суть меняется, если меняются слова, и ты это хорошенько запомни.

Затем пошли переговоры о плате. Торговались долго. Отец ставил ребром последний грош и чуть не плача просил учителя спустить, а учитель оскорблялся. Он то и дело повторял:

– Ведь вы подумайте: риторика, логика, латинская грамматика... А моя опытность? С мальчиком будет много возни, это сразу видно: он упрям – это видно по цвету волос; он всё путает – путает Священное Писание, бог ты мой!

Винченцо молчал, задыхаясь от изнеможения, и обливался потом. Наконец он махнул рукой и решил ещё немного прибавить Боргини за опытность. Ударили по рукам. Учитель церемонно раскланялся и вышел.

– О, мой Галилео! – простонал Винченцо, как только дверь затворилась за тщедушной фигуркой учителя, – теперь ты видишь, чего мне стоит твоё образование, и ты должен хорошо учиться, чтобы не быть таким бедняком, как твой отец!

Занятия Галилео в школе Боргини пошли со следующего утра. Каждый день бегал он в школу с книжками в кожаной сумочке. Каждый день выслушивал он наставления учителя, одно тоскливее другого. Школьная мудрость давалась Галилео не даром, хотя синьор Боргини был, пожалуй, добрее многих учителей того времени и сравнительно не так часто пускал в дело палку. Но уроки его были просто невыносимы. Почтенный педагог учил Галилео мёртвой риторике, логике, греческому языку, сухой церковной латыни. О математике или о естественных науках не имели понятия в школе Боргини, и вряд ли сам синьор учитель мог ответить на занимавшие Галилео вопросы о явлениях природы.

И Галилео, ум которого вечно работал, принялся самостоятельно за изучение греческих и латинских классиков. Ему помог в этих занятиях один монах, у которого он бывал. Скоро Галилео приобрёл обширные и основательные сведения в древней и новой литературе. Под влиянием этого изучения образовался впоследствии тот увлекательный язык, которым говорил и писал Галилео Галилей. Часто ночью отец заставлял его за чтением Ариосто, поэму которого «Неистовый Роланд» Галилео скоро знал наизусть. Углублённый в чтение, Галилео не слышал шагов отца, и синьор Винченцо тушил его масляную лампу, отчасти из экономии, отчасти из жалости к сыну. Ариосто на всю жизнь остался любимым поэтом Галилео Галилея.

Была, впрочем, у Галилео и другая страсть – страсть к искусству живописи и ваяния. Флоренция – город искусства, родина великих художников, бессмертных произведений резца и кисти. Много славных имён насчитывает история Флоренции: Джотто, Мазаччо, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэль, Сандро Боттичелли и сколько ещё других, подаривших городу чудные статуи или картины! Здесь почти каждое здание носит на себе печать гения. На улицах, в нишах домов, в храмах, на площадях – всюду создания бессмертного искусства. И Галилео каждый день, направляясь в школу, проходил между ними, и взгляд его не мог оторваться от гармоничных форм... И мало-помалу в нём проснулась душа истого флорентинца, чутко, восторженно отзывавшаяся на творения художников...

Галилео брался за карандаш и кисть, изучал, лихорадочно набрасывал, чертил, доходя до истины и высшей красоты ощупью, самоучкой. А потом он стал бегать в мастерские художников. Здесь Галилео слушал и поучался, правда, урывками, но зато как прилежно, с какой страстью!

Анджело с лукавым любопытством следил за старшим братом. С тех пор как Галилео поступил в школу, Анджело перестал его понимать. Брат казался ему каким-то помешанным, говорившим стихами, проводившим ночи напролёт за книгой, когда все добрые люди давным-давно спят. Бывало, отец, неожиданно раздобывшись после получки, давал детям мелкие монетки. Анджело, большой лакомка, сейчас же спускал деньги на сладкие пирожки или конфеты, но Галилео стал особенно скуп с некоторых пор и старательно копил свои деньги.

Анджело начал его презирать...

– Скупой, – говорил он с отвращением, – скряга...

Но каково же было удивление Анджело, когда старший брат принёс раз большой пакет, как потом оказалось, с красками и кистями.

– Ну погоди же! – прошептал завистливо мальчуган, погрозив Галилео украдкой маленьким, но сильным кулаком, – уж я высмотрю!

И он припал лицом к щели двери чулана, за которою скрылся Галилео. Анджело увидел, как рыжая голова Галилео низко согнулась над доской, а рука его стала быстро водить углем, делая смелые наброски. Из-под угля Галилео вышло очертание головы старика. Анджело узнал апостола Петра, которого он видел на стене одной из флорентийских церквей.

Он ушёл от двери в глубоком недоумении...

Каждый день работал кистью Галилео, и каждый день Анджело караулил его у двери. Картина росла, и наконец Анджело увидел оконченный прекрасный образ.

– Так вот куда Галилео девал свои деньги, – медленно проговорил мальчик, – а я и не знал!

И с этих пор он стал с почтением смотреть на Галилео.

Галилео рос, и вместе с ним рос и креп его художественный талант. Скоро Анджело, ходивший теперь вместе с ним в школу, заметил, что встречающиеся им на улице известные художники останавливались и охотно болтали с Галилео о своих картинах, приветливо зазывали его в свои мастерские, и юноша, почти мальчик, давал им с видом знатока советы.

– Да что же это, в самом деле? – недоумевал простодушный Анджело, – этот Галилео настоящий волшебник: и рисует-то он, и играет, и знает наизусть все стихи, и делает разные чудесные игрушки и машины...

Это же недоумение перед разнообразными способностями Галилео давно уже занимало и даже мучило старого Винченцо. Кем же сделаться, в самом деле, мальчику, когда он имел талант ко всему? Ведь торговцу вовсе не нужно играть на лютне, или декламировать Ариосто, или рисовать. Уж не сделать ли из него художника? Э, да что хорошего в этом занятии? Ещё повезёт ли мальчику, угодит ли он вкусу толпы, – а ему уже семнадцать лет, надо подумать и о дальнейшей карьере. Вот занятие медициной – куда вернее и прибыльнее. Не сделаться ли ему доктором? Эта мысль гвоздём засела теперь в голове у Винченцо. Раз он решительно сказал старшему сыну:

– А знаешь, Галилео, как стукнет тебе восемнадцать лет, отправлю я тебя из дому. Не всё же тебе сидеть у материнской юбки.

– Куда, батюшка?

– В Пизу... да, да, лучше всего в Пизу. Там ты родился, маленьким ведь привезли тебя сюда... В Пизе хороший университет, да и близко от Флоренции. Лучше быть тебе, в самом деле, доктором, чем торговцем. Занятие доктора куда прибыльнее!

Галилео не думал возражать; он только удивился. Поездка в Пизу положительно улыбалась ему. Отчего бы ему и не заняться медициной и не сделаться доктором? А главное: он избавится от премудрости синьора Боргини...

И он весело отвечал отцу:

– Хорошо, батюшка, я поеду в Пизу и буду учиться медицине.

III

Непонятый гений

И вот Галилео в Пизе. Университет представлялся юному Галилею чем-то бесконечно заманчивым, а жизнь в Пизе привлекала своей новизной. Но скоро Галилею пришлось разочароваться в университете. В таинство медицины не мог проникнуть ни один новичок. Всякий студент сначала должен был прослушать курс философии Аристотеля², состоящей из метафизики³ и математики. В философии в то время царил Аристотель, и учёные слепо подчинялись его взглядам. Никаких рассуждений, никаких новых выводов не терпела тогдашняя наука. Совершенное знание сочинений Аристотеля – вот идеал, к которому стремились тогда все философы. Это слепое следование идеям одного человека возмущало Галилея. Мысль его всегда работала, и на многое он смотрел не так, как последователи Аристотеля. Он привык наблюдать, проверять, а этого-то и не терпели перипатетики, как назывались последователи Аристотеля.

Правда, был в университете один профессор, выделявшийся из среды товарищей, как светлое пятно, – Якопо Маццони. Он следовал учению великого древнегреческого философа Пифагора и его школы и хорошо знал современное ему состояние физики. Галилей стал усердно посещать лекции Маццони, и здесь у него пробудился интерес к математике, к той самой науке, которую отец его считал роскошью, доступной только богатым. Но Маццони не

² Аристотель – величайший из древнегреческих философов, основатель так называемой школы перипатетиков.

³ Метафизика – часть философии, исследующая сверхчувственное бытие, или то, что не может быть предметом наблюдения и опыта, а доступно только умозаключению.

мог вполне удовлетворить любознательного юношу. К тому же Маццони боялся открыто высказывать свои взгляды, которые шли вразрез с общепринятыми мнениями...

Раз как-то в университете был философский диспут⁴. Один за другим выходили из аудитории разгорячённые спором профессора. Из-за них, как бомба, вылетел в коридор Галилей. Лицо его было красно; жилы налились на лбу; чёрные глаза горели от негодования.

– Я не сумасшедший! – кричал он запальчиво. – Если говорить прямо, смело возражать, проверять и взвешивать было бы сумасшествием – тогда не существовало бы истины!

В коридоре ему загородил дорогу Якопо Маццони.

– Я не могу возражать, – проговорил, задыхаясь, Галилей, – когда я рассуждаю, мне говорят, что я святотатствую!

Маццони виновато улыбнулся. На него смотрели насмешливые глаза товарищей-профессоров.

– Видите ли что, мой молодой друг... – проговорил он с мягкой снисходительностью, – я не назову ваши суждения преступными, но... нельзя быть таким резким, а главное... надо поучиться, больше поучиться...

И он торопливо прошёл мимо, точно боялся, что его заподозрят в ереси совместно с Галилеем.

Юноша простоял несколько минут неподвижно, как окаменелый, потом провёл рукой по густым волосам и с подавленным стоном выбежал из университета.

Как безумный бежал он по улице, не разбирая дороги, пока не очутился на берегу реки. Это была та же знакомая Арно. Её седые волны, как и в дни далёкого детства, рокохут и плещут о берег, точно баюкают бедную исстрадавшуюся душу...

Галилей в изнеможении опустил на прибрежный камень.

– И Маццони с ними... – прошептал он горько, – и Маццони против меня!

Думы унесли его далеко, в родной дом, во Флоренцию. Он вспомнил сцену перед отъездом из Флоренции, когда мать с детским простодушием принесла засаленный кошелёк, в котором копила гроши долгие годы, и гордо высыпала их на стол.

– А что, отец, – сказала она, – вот и я помогу нашему мальчику. Собираешь по зёрнышку, а смотришь – вышла целая мерка!

И отец с довольным видом прибавил к деньгам жены свои жалкие сбережения. Они оба отдавали последнее, они ограбили себя, всю семью, чтобы поднять на ноги старшего сына. Это была громадная жертва...

Горькая складка искривила губы Галилея. Он мрачно посмотрел на реку. От неё поднималась и ползла густая пелена белого тумана.

– Жертвы! – прошептал Галилей, – всюду жертвы! Почему брат мой будет менее образован, чем я? Нет, баста. Ещё несколько дней – и я брошу всё и уйду во Флоренцию. Я готов быть лучше простым ремесленником, чем лжецом...

Он внезапно вспомнил о синьоре Остимусе Ричи, знаменитом математике, который был приятелем его отца. Синьор Ричи состоял преподавателем пажей у великого герцога Тосканского Фердинанда I Медичи и в это время года всегда жил с двором в Пизе. Иногда Галилей заходил к синьору Ричи и теперь почему-то вспомнил о нём. И ему захотелось потолковать с учёным о своих сомнениях.

Опустив голову, пошёл Галилей по направлению к дворцу. Он увидел силуэт громадной старинной башни, наклонённой вперёд так, что казалось, она сейчас упадёт. И тем не менее она не падала. В чём была причина этого явления? Какой секрет был вложен в неё архитектором при постройке?

⁴ Диспут – публичный учёный спор.

Раздумывая о башне, Галилей незаметно подошёл к собору. Солнце было низко. Вечер приближался. Чистый серебристый звон колокола разбудил юношу от размышлений. Он поднял голову. Золотой крест на куполе горел огнём в лучах умирающего солнца... Колокол звонил торжественно, мерно, и умиротворяющие звуки этого звона проникали во взволнованную душу Галилея. Из раскрытых дверей церкви несло тихое стройное пение и волны кадильного дыма, в облаках которого, как звёздочки, слабо трепетали огоньки восковых свечей. Шла вечерня. На Галилея повеяло сразу чем-то мирным, кротким... Он увидел священника в торжественном облачении и фигуры прихожан, склонённые в молитвенном восторге. Дрожащий голос священника расплывался в волнах кадильного дыма:

– Ave Maria...

Галилей стал у колонны с поникшей головой и погрузился в волны звуков и молитв. Но мысли его, помимо воли, были далеко, и душа не могла успокоиться.

– Te Deum... – дрожал на высоких нотах голос священника, и зажигались новые свечи, и новые клубы фимиама ползли кверху и расплывались у самого купола...

Вдруг глаза Галилея остановились на прекрасной бронзовой люстре. Эта люстра была произведением знаменитого итальянского скульптора, флорентинца Бенвенуто Челлини. Но не чудные её формы поразили юношу... Вверху, около сводов, было открыто окно. В него врывался свободный ветер и тихо и плавно раскачивал люстру. Она совершала большие и маленькие колебания в одинаковые промежутки времени, и это наблюдение заинтересовало Галилея. Он не сводил глаз с люстры, и губы его шептали:

– Да ведь это же открытие! Это открытие! Она возвращается на прежнее место через одинаковые промежутки времени! Надо проверить! Надо проверить!

Молящиеся с удивлением смотрели на юношу. С бессвязным бормотаньем отодвинул он скамейку и выскочил из церкви.

Галилей мчался к Ричи, но теперь уже для того, чтобы сообщить учёному о своём открытии.

У дворца его встретил старый важный привратник.

– Вам синьора Ричи? Нельзя... В этот час они занимаются с благородными синьорами, пажами его светлости... Да вам его очень нужно? Ну тогда пройдите наверх и подождите в зале. На уроки пажей его светлости входить никому не позволено.

Галилей уже летел через длинную анфиладу герцогских комнат. За закрытыми дверями слышится красивый голос Ричи. Он читает лекцию пажам. Галилей остановился в ожидании и невольно услышал объяснения математика. Геометрическая задача, которую объяснял Ричи, была очень интересна. Но ведь это был тот самый предмет, которым занимался Винченцо Галилей с такою страстью в часы досуга! Отец говорил не то с грустью, не то с досадой:

– Эта штука для богатых, мой Галилео! Это слишком большая роскошь для нас с тобой!

Тогда он послушно уходил от этих кругов, треугольников и квадратов, без сожаления, без интереса, веря словам отца. Он не понимал всей привлекательности её, как слепой не понимает красоты солнца. Теперь он прозрел... Так вот где сокрыто сокровище истины! Оно в руках этого маленького, невзрачного с виду человечка в маске придворного. Так вот что связывало синьора Ричи с отцом – любовь к одной и той же науке!

Послышался звук отодвигаемого стула. Синьор Ричи кончал урок. Сейчас он выйдет из зала и столкнётся со своим тайным слушателем... Что скажет ему Галилей? Он сообщит учёному о своём желании покинуть Пизу... Но теперь это желание в нём как-то ослабло... Явился новый интерес – жажда познания. И вся наука, преподаваемая в университете, даже лекции Маццони – всё поблёкло перед могучей силой Ричи. Нет, он ни за что не уедет теперь из Пизы... Душа Галилея была так полна, что он не хотел никого видеть, и тихо вышел из дворца, избегая встретить даже обаятельного Ричи.

Дома Галилей тотчас же повторил по Эвклиду⁵ всё слышанное во дворце. Голова его горела. Он нашёл свой настоящий путь...

Кончив с Эвклидом, Галилей стал обдумывать явление, замеченное им в церкви на люстре Челлини, и тут же сделал проверку своего наблюдения. Привязав к нитке шарик из воска, он прицепил нитку к крюку, на который обыкновенно вешал свой плащ, и открыл окно. Ветер качал шарик, и он совершал правильные колебания в одинаковые промежутки времени, точь-в-точь как и люстра Челлини.

Восторженная улыбка появилась на губах Галилея.

– Да, да, – шептал он, в волнении ходя по комнате, – правильные промежутки времени! Да ведь это открытие!

Он пощупал у себя пульс, как будто боялся, что сошёл с ума или умирает и пульс его перестанет биться. Но пульс бился правильно, через одинаковые промежутки времени, наподобие шарика и люстры Челлини.

Галилей опустил на стул и захохотал радостным детским смехом. Он сделал открытие! Ведь при помощи этих колебательных движений можно определить скорость биения пульса у человека, да и вообще – как они могут быть полезны медицине! Измерение времени! И Галилей, глядя на шарик, заливался звонким, неудержимым смехом.

Квартирная хозяйка с любопытством выглянула из-за двери. Она увидела шарик, и ей показалось, что Галилей сошёл с ума. Призывая силы небесные, она попятилась задом от странного жильца...

С этих пор жизнь Галилея сильно изменилась. Надо сказать, что в то время ещё не имели понятия о наших современных часах с маятником. С незапамятных времён, в глубокой древности, египтяне, евреи и другие народы пользовались часами солнечными и песочными. Но эти часы доставляли много неудобств для ночного измерения времени. Поэтому открытие Галилеем колебательного движения имело громадное значение как для науки, так и для обыденной жизни: на основании колебательных движений маятника впоследствии был устроен механизм часов.

С этого дня Галилей ежедневно стал ходить во дворец великого герцога Тосканского. Он был неизменным тайным слушателем Ричи. Раз его чуть не выдал слуга, и юному поклоннику Эвклида пришлось отдавать последние крохи, чтобы задобрить этого негодяя. Но вот явилось ещё новое препятствие. Как ни был ясен в своих объяснениях Ричи, но у Галилея явилось много вопросов, в которых он был не в состоянии разобраться. Не помог ему тут даже Эвклид. После долгого раздумья он решил просить разъяснения у самого Ричи.

Выслушав Галилея, Ричи с удивлением спросил:

– Откуда вы это знаете, мой друг? В университете никто не мог передать вам содержание моих лекций.

Галилей смутился. Но лгать он не любил, да лгать было и бесполезно. Он поднял голову и, в упор глядя в глаза учёному, твёрдо сказал:

– Уже около двух месяцев я слушаю вас, синьор, тайком, за той дверью.

Наступило молчание. Галилей ждал, что маленький человечек с ледяной улыбкой встанет, позовёт слугу и с изысканной учтивостью скажет:

– Когда синьор Галилео Галилей придёт в залу, соседнюю с той, где я даю уроки пажам его светлости, то доложите мне немедленно. А вас, синьор, я попрошу не беспокоиться и не утруждать себя...

Но Ричи молчал, и на лице его блуждала обычная неопределённая улыбка. Вдруг он поднял голову, и Галилей не узнал этого бесцветного бледного лица; оно сразу преобразилось:

⁵ Эвклид – отец математики; жил почти за 300 лет до Р. Х. в Александрии.

маленькие глазки сияли торжеством, жёлтая кожа вспыхнула румянцем, а протянутые вперёд руки дрожали.

– Так нельзя... – прозвучал дрожащий, растроганный голос Ричи, – не должно подслушивать там, где можно просто слушать... Я буду заниматься с вами отдельно! Такая беспримерная любовь к науке! А эти дур... то есть я хотел сказать, пажи его светлости, – они спят на моих уроках, и я читаю пустым стенам... Как я счастлив! Какого ученика я приобретаю!

И Ричи крепко обнял Галилея. Галилей рассказал ему о своём открытии колебаний маятника. Ричи глубоко задумался и долго бегал взад и вперёд по комнате, теребя жидкую бородку. Наконец он бессвязно пробормотал:

– Это... изумительно! Это изумительно! Ты прав, это клад для медицины! Как обрадуются доктора! Они могут теперь считать биение пульса! Хотел бы я знать, что из тебя выйдет, мой милый!

Растроганный и счастливый Ричи говорил теперь Галилею «ты». На прощание Галилей просил Ричи ни слова не говорить о занятиях математикой его отцу. Ричи смущённо стал тербить свою бороду.

– Да, да, – проговорил он, – пожалуй, Винченцо не позволит тебе заниматься математикой даже со мной. Увлечение этой наукой пугает его. Он будет бояться, что математика тебя оторвёт от медицины. Ступай, мой друг, до свиданья, завтра, у меня... Но всё-таки я не могу лгать перед твоим отцом и всё сообщу ему... Будем надеяться, что он согласится...

Со следующего дня Ричи начал свои уроки с Галилеем. В первый же праздник он поехал во Флоренцию к Винченцо с ходатайством за его сына. В назначенный день Галилей явился во дворец раньше на целый час, чем было назначено. Ричи уклонился от объяснения по поводу поездки во Флоренцию, но обещал студенту заниматься по-прежнему. На самом деле синьор Винченцо согласился на занятия сына математикой, но просил приятеля держать это от Галилея в строжайшем секрете.

– Иначе он обрадуется, – говорил музыкант, – и забросит медицину, а она прибыльное занятие.

Время шло, и юный Галилей поражал Ричи своими успехами. Он до того расчувствовался, что подарил Галилею сочинения Архимеда⁶. Галилей давно мечтал иметь произведения великого учёного, и теперь этот подарок привёл его в восторг.

И студент стал дни и ночи просиживать над Архимедом, Эвклидом и другими великими учёными древности. Медицина была заброшена, учебники полетели под стол.

Раз, когда он сидел, углубившись в чтение Архимеда, дверь его комнаты распахнулась, и на пороге появился синьор Винченцо. Музыкант приехал по делам в Пизу и завернул к сыну, о котором до него долетали во Флоренцию далеко не лестные слухи. Увидав перед Галилео листы бумаги с вычислениями и чертежами, он побагровел от гнева и сжал свои увесистые кулаки.

– А! – закричал он, хрипло задыхаясь, – так вот чем занимается мой сын! Геометрия вместо медицины! Великолечно!

Переведа дух, он резко спросил всё время молчавшего Галилео:

⁶ Архимед – величайший математик древности (род. в 237 г. в Сиракузах, в Сицилии).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.